

ИЗЪ КНИГИ БЫТІЯ МОЕГО.

Порѣирія Успенскаго.

Орель, куда ты летишь?—На Сѣ-
верь.—А почему ты озпраешься на
Югъ?—Тамъ мое гнѣздо.

(„Книга Бытія Моего“, III, 51).

I.

Въ 3-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ 1905 года помѣщена мною краткая біографія Порѣирія Успенскаго. Время бѣжить и отдаляетъ отъ насъ память о личности этого достопамятнаго человѣка; но его дневникъ, наблюденія и изслѣдованія не подлежатъ забвенію.

„Кто читаль многотомныя сочиненія почившаго архипастыря, говорилъ членъ Московской Синодальной Конторы, преосв. Іоаннъ, когда опускали въ могилу бранные останки Порѣирія, тотъ можетъ самъ примѣтить, какъ чрезъ всѣ его сочиненія тонкой золотой нитью проходить его полнѣйшая неослабная любовь къ родинѣ, какъ гражданина Россіи, и любовь къ Восточному православію, какъ сына Восточной православной церкви. Гдѣ бы онъ ни былъ, чѣмъ бы ни былъ занятъ, его жизнь, его мысль, душа живутъ въ Россіи, и для церкви Россійской собираетъ онъ, какъ пчела съ цвѣтовъ, питательный и усладительный сокъ богословской учености“. Къ этому слову, говоритъ талантливый авторъ „поминокъ преосвященнаго Порѣирія“. А. А. Дмитріевскій, мы могли бы мысленно прибавить лишь одно, но весьма выразительное слово: „аминь“.

„Жизнь моя, говорилъ преосв. Порѣирій за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти А. А. Дмитріевскому, была преисполнена весьма разнообразными приключеніями и встрѣчами съ замѣчательными дѣятелями на разныхъ поприщахъ земного шара, а потому я и намѣреваюсь подѣлиться съ читателями вынесенными и пережитыми мною впечатлѣніями. Дѣлаю я это въ тѣхъ видахъ,

что едвали у кого-нибудь явится охота рыться въ моихъ бумагахъ, читать черновыя записи, многочисленныя письма“ и т. д. ¹⁾.

Преосв. Порфирій всю свою жизнь не пользовался расположеніемъ предрержащихъ властей. Начальство, писалъ покойный А. П. Лебедевъ по поводу столѣтія со дня рожденія Порфирія (1804—1904 г. г.), обнаруживало явное недовольство имъ, и думается, что главная причина заключалась въ томъ, что его не понимали. Онъ любилъ говорить свободно, но это не нравилось; онъ писалъ „по вдохновенію“, т. е. подчиняясь сердцу и чувству, но отъ него требовали не „вдохновенія“, а сухой отчетности. На Востокъ онъ помышлялъ о славі и величіи Россіи, а ему повсюду приходилось слышать: „Знай, сверчокъ, свой шестокъ“. По приѣздѣ съ Востока въ Петербургъ, отъ него требовали, чтобы онъ скорѣе представилъ „отчетъ“, а онъ не хотѣлъ спѣшить и вмѣсто отчетовъ писалъ трактаты ученаго содержанія. На него смотрѣли какъ на чиновника и ожидали канцелярской работы, а онъ именовалъ себя „соглядатаемъ Востока“ и вѣрилъ, что у него накопилось много такого, чѣмъ стѣдить подѣлиться съ соотечественниками. Какъ бы то ни было, начальство не думало идти къ нему навстрѣчу. Въ его дневникѣ занесено: „Антоній (разумѣется митрополитъ), Илюдоръ, Гедеонъ (преосвященные, члены Синода), сіятельные графы (Протасовъ) и превосходительныя чины (изъ канцеляріи Синода), и вы не боги, ибо нѣтъ въ васъ правды, милости и провидѣнія. Долой же съ пьедестала! Ахъ! Эти мраморныя статуи вооружены крѣпко. Не могу я расшибить и испенелить ихъ. Нѣтъ у меня перуновъ, но есть алмаантовое перо. Пишу имъ на челахъ ихъ: „Это камни, но не тѣ, отъ которыхъ Богъ можетъ воздвигнуть Себѣ чадъ“. Цѣлую тебя, перо мое! Письмена твои неизгладимы во вѣки“ ²⁾.

Въ 1840 г. въ Ноябрь мѣсяцѣ архим. Порфирій назначенъ настоятелемъ церкви при Россійской миссіи въ Вѣнѣ. Свой дневникъ онъ и начинаетъ со дня своего отъѣзда въ Вѣну, съ 3-го Мая 1841 г. „Утромъ лаврскій старецъ служилъ мнѣ молебенъ въ путь предъ ракою св. Александра Невскаго. Я молился усердно. Слезы капали съ рѣсницъ моихъ. Въ душѣ моей горѣлъ пламень вѣры и преданности волѣ Божіей. Послѣ молебна я приложился къ святымъ образамъ и; лобызая стопы Спасителя и Пречистой Его Матери, испрашивалъ у Нихъ благословенія въ путь, дерзая напомнить Имъ о трудномъ пу-

¹⁾ Преосвященный Порфирій дожилъ свой вѣкъ въ Москвѣ, въ богатомъ Новоспасскомъ монастырѣ, гдѣ онъ окружилъ себя всякимъ удобствомъ для письменныхъ занятій. Въ его рабочей комнатѣ, во второмъ ярусѣ, устроено было спускъ въ нижній покой, откуда ему подымали что требовалось, не мѣшая его занятіямъ. Онъ любилъ запахъ чая, и по ковру его кельи разсыпана была чайная разваренная листва. (Слышано отъ А. Е. Викторова, который его навѣщалъ). О немъ съ великимъ уваженіемъ отзывался князь С. М. Воронцовъ, бывшій его ученикомъ въ Одессѣ, въ Ришельевскомъ Лицеѣ. П. Б.

²⁾ Книга Бытія Моего“, т. III, стр. 101.

тешествіи Ихъ въ Египеть. Не забывая, что по молитвѣ воцарилось въ душѣ моей велие спокойствіе. Надежда на благословеніе Господне слилась съ упорнымъ вѣрованіемъ моимъ въ собственное счастье“.

По дорогѣ изъ Петербурга въ Вѣну Порфирій остановился въ Вильнѣ, 8 Мая, у знакомаго архимандрита Платона въ Святодуховскомъ монастырѣ. Въ этотъ день тамъ служилъ митроп. Іосифъ Сѣмашко, ласково принявшій его. Въ пять часовъ Порфирій былъ на обѣдѣ у губернатора Семенова. За столомъ вельможные и чиновные Поляки говорили весьма громко. „Широко горло у этихъ господъ! Въ нашемъ ряду безъ умолку витійствовали графъ Крейцъ, извѣстный витязъ между нашими богатырями. Я любовался его воинственною наружностью и внимательно вслушивался въ разговоръ его. Графъ безъ памяти любилъ Славянъ и себя величалъ потомкомъ ихъ. Когда ему возразили, что у него прозваніе Нѣмецкое, онъ отвѣчалъ, что у него есть другое, родовое, Славянское прозвище, которое онъ иногда ставитъ на письмахъ, и что предки его назывались Крейцами (Крестовиками) по-нѣмецки единственно для того, чтобы получить право участвовать въ Крестовыхъ походахъ наравнѣ съ дворянами Нѣмецкими. По его мнѣнію нынѣшніе Греки все Славяне. Лузацію онъ производилъ отъ дужи, Силезію—отъ лѣса и въ слухъ всѣхъ предсказывалъ возвышеніе Славянскихъ племенъ въ напѣ вѣкъ и паденіе Австрійской имперіи, если она не сдѣлается Славянскою. Когда жандармскій генералъ Фрейгангъ (который изъ лютеранина сдѣлался православнымъ по обѣту за спасеніе своей жизни во время бунта въ Новгородскихъ поселеніяхъ въ 1831 г.) сказалъ, что въ Европѣ сила Славянская, а умъ Нѣмецкій и сравнилъ Славянъ съ бутылкою, а Нѣмцевъ съ виномъ, Крейцъ замѣтилъ ему: „ваше сравненіе не вѣрно. Славяне—не хрупкое стекло; они несокрушимый булатъ“. Сидѣвшій подлѣ меня окружный почтъ-инспекторъ¹⁾ шепнулъ мнѣ на ухо: „вѣрно графъ скажетъ, что и Адамъ былъ Славянинъ“.—„Нѣтъ, онъ назоветъ его человѣкомъ, сказалъ я“.

„Архіепископъ Іосифъ, кажется, не столько уменъ, сколько хитѣрь, не столько любочестивъ, сколько честолюбивъ. У него хвостъ лисій, а зубы волчьи, ласка—зачеть, а откровенность—расчетъ. Обитель, въ которой онъ помѣщается, не завидна, тѣсна, подавлена строеніями внутри и внѣ. Ее будутъ передѣлывать“²⁾.

Порфирій (Костромичъ родомъ) пишетъ далѣе: „Въ областяхъ Виленской, Гродненской и Вольнской почва земли частію глиниста, частію песчана; лѣса хвойные и лиственные хороши: дужь, болотъ, ручейковъ, потоковъ, рѣкъ, озеръ весьма много; города малы и неопрятны, потому что населены Евреями: деревни на холмахъ и поляхъ состоятъ изъ пяти-четырехъ и даже двухъ дворовъ; избы въ нихъ низки и убоги, а окна въ избахъ такъ малы, что едва кошечья голова можетъ проглянуть сквозь нихъ. Народъ находится въ жалкомъ состояніи. Мужчины, женщины, ребятишки все тощи, нечесаны, неумыты

¹⁾ Д. ст. сов. Алексѣй Осиповичъ Имбергъ.

²⁾ Здѣсь разумѣется Свято-Троицкій монастырь, гдѣ дѣйствительно нѣкоторое время жилъ архіепископъ, а впоследствии митрополитъ Іосифъ Сѣмашко.

и въ лохмотьяхъ. Вѣковое, самое тяжкое рабство унизило и пригнуло къ землѣ этотъ бѣдный народъ. Я видѣлъ, какъ на одномъ барскомъ полѣ работали женщины и дѣвочки, а подлѣ нихъ стоялъ управитель или холопъ съ длиною плетью. Въ Великороссійскихъ областяхъ крестьяне работаютъ весело, припѣваячи, а здѣсь уныло, лѣнливо, молча. Жидаи суть бичи этого края. Торговля, деньги, водка, хлѣбъ, домашній скотъ поселянъ—все въ ихъ рукахъ. А что всего хуже, они господствуютъ надъ христіанами. Мужики стоятъ предъ ними безъ шапокъ, ожидая ихъ приказаній и говорятъ имъ не иначе, какъ вы. Право свободного винокурения доводитъ семейства до нравственнаго самоубійства. Поселяне закладываютъ Жидамъ свой хлѣбъ, еще несозрѣвшій на нивахъ. Храмы Божіи деревянные, ветхіе, почернѣвшіе, обросли мохомъ. Зато какъ хороши корчмы и какъ близко стоятъ онѣ подлѣ святилищъ Господнихъ! Горько и больно было видѣть служеніе Богу и Бахусу на одной небольшой полосѣ земли. Эти проклятыя подбѣленные корчмы торчатъ въ деревняхъ, въ мѣстечкахъ, въ дѣсахъ, какъ мертвящія привидѣнія. Вотъ жалкая картина! Но она списана съ природы. Какія причины этой бѣдности и полудикости? Лѣньность ли крестьянъ, склонность ли ихъ къ пьянству, притѣсненія ли управителей, мотовство ли помѣщиковъ, слабое ли вліяніе вѣроисповѣданія и духовенства, или все это вмѣстѣ? Пусть другіе судятъ объ этомъ, какъ хотятъ или какъ умѣютъ; а по моему мнѣнію жалкое состояніе народа есть слѣдствіе его духовной темноты, убійственнаго рабства и ложныхъ началъ государственнаго управления. Замѣчательно здчество католическихъ храмовъ. На каждомъ изъ нихъ съ лица видны двѣ башенки, соединенныя съ куполомъ. Что выражается такою постановкою ихъ? Не двойственность ли власти, духовной и мірской въ одномъ самодержцѣ стараго Рима?“

„Въ каждомъ городѣ и селеніи то въ срединѣ, то въ концѣ ихъ, также при дорогахъ, стоятъ изваянія святыхъ на столпахъ и въ часовенкахъ. По большей части они набожно смотрятъ на распятіе, покоящееся у нихъ на рукахъ. Рѣдко, гдѣ пѣлы эти статуи; у одной нѣтъ носа, у другой—глаза, у третьей—руки; инныя искривились, почти всѣ загрязнились. Видно, что паписты не лучше Индѣйцевъ, которые, разсердившись на своихъ боговъ, таскаютъ по грязи ихъ изображенія. Смотри на всѣ эти изваянія, я думалъ, что ѣду по странѣ идолопоклонниковъ, и припоминалъ разныя молитвы древнихъ поэтовъ Эллинскихъ и Латинскихъ.

Ἰὼ παναλκείς θεοί

Ἰὼ τελείαι τε γῆς

. πυργόφυλακες

ὦ, πατρώα γῆ, θεοί τ' ἐγχώριοι.

Δέξασθέ μ' εὐτοχούοντα ταῖς δέ δόσις.

Т. е. О, всеильные боги,

О, совершенные боги и совершенныя богини земли,

. хранители башень!

О, родная земля и вы, деревенскіе боги,

Примите меня послѣ благополучной дороги!

Не люблю я Евреевъ или, точнѣе сказать, всякій разъ, какъ увижу ихъ, чувствую въ себѣ столкновение противоположныхъ помысловъ и ощущеній: то презираю этихъ всесвѣтныхъ торгашей за ихъ корысть, обманы, нахальство, вѣроломство, то смотрю на нихъ окомъ Филона, какъ на народъ, посредствомъ котораго въ человѣческомъ родѣ распространилось познаніе единого, истиннаго Бога. Ихъ изумительное терпѣніе, примѣрное единодушіе, упорное вѣрованіе въ величественный призракъ, неослабная привязанность къ отеческимъ преданіямъ, вѣковая, почти одинаковая численность, неизмѣнившееся племенное обличіе, наконецъ, таинственная судьба, которой развязка послѣдуетъ предъ концемъ міра, невольно внушаютъ благоговѣйное вниманіе къ этимъ живымъ развалинамъ, кои берегутся Провидѣніемъ для докончанія величественнаго зданія церкви вселенской. А неопрятность, трусость, низость, металлическій умъ, продажная услужливость, грязное сердце Евреевъ поселяютъ не столько отвращеніе, сколько сожалѣніе къ нимъ. Они, какъ непріятныя кометы, блуждаютъ по всей землѣ. Но придетъ время, когда переиспытанныя страданія и несбывшіяся надежды обратятъ и привлекутъ ихъ къ истинѣ“.

Въ Австріи Порфирій прожилъ около полутора года. Онъ совершилъ поѣздку по Далматскому побережью, съ Триеста до Катаро.

„На пути изъ Вѣны въ Петербургъ, пишетъ онъ, я остановился въ вольномъ городѣ Краковѣ. Въ 11 часовъ пополудни посѣтилъ меня Русскій почтмейстеръ Соловьевичъ, въ городской гостинницѣ. Разговаривали мы о Вѣнѣ, о Венеціи, Триестѣ, Далмаціи, о Россіи, о послѣдней Польской революціи. Я спрашивалъ его о Краковѣ, и онъ между прочимъ сказалъ мнѣ забавное мнѣніе свое объ этомъ вольномъ городѣ, маленькомъ Вавилонѣ въ своемъ родѣ: „Краковъ есть одинъ изъ достопримѣчательныхъ городовъ въ Европѣ, потому что онъ имѣетъ высокой сенатъ, непобѣдимое войско и цѣломудренную академію. Сенатъ высокъ, потому что стоитъ на высокой горѣ; войско непобѣдимо, потому что никогда не бывало въ сраженіяхъ; академія цѣломудренна, потому что еще не произвела ни одного ученаго творенія*)“.

4 Мая 1843 г. Порфирій былъ у оберъ-прокурора Св. Синода, гр. Протасова, и между прочимъ просилъ его сказать ему, какъ должно отвѣтить Константинопольскому патріарху, если онъ спроситъ его о мнѣніи нашего Синода или нашихъ богослововъ касательно законности или незаконности Синода Аѳинскаго. Графъ отвѣчалъ: „поговорите объ этомъ съ посланникомъ нашимъ при Портѣ Оттоманской, г. Титовымъ“. Я удивился такому отвѣту его и невольно возразилъ ему, что это дѣло не Титова, а Св. Синода. Тогда онъ сказалъ мнѣ, что это дѣло не Синода, а Государя и что Константинопольская миссія наша должна знать и, безъ сомнѣнія, знаетъ мысли Его Величества объ этомъ предметѣ. „Впрочемъ, присовокупилъ онъ, какъ бы обдумавшись, вы можете сказать патріарху, что Россійскій Синодъ и всѣ прочіе

*) Теперь это не такъ: Краковская академія усердно работаетъ на пользу исторической науки. П. Б.

іерархи наши думаютъ объ Аѳинскомъ Синодѣ такъ же, какъ думаетъ его святѣйшество“.

Получа инструкцію, какъ дѣйствовать на Востокъ*) и выслушавъ отъ гр. Протасова нѣсколько незаслуженныхъ оскорбительныхъ словъ, Порфирій передъ отъѣздомъ зашелъ проститься съ преосв. викаріемъ Іустиномъ и митроп. Антоніемъ. „Пишите чаще, сказалъ владыко, миѣ отмѣнно пріятно будетъ получать ваши письма. Призываю на васъ благословеніе Божіе“. „Произнося послѣднія слова, онъ осѣнилъ меня крестнымъ знаменіемъ весьма истово. Я поклонился ему до земли“.

„Странно, что ни одинъ архіерей не послалъ со мною милостыни бѣдной церкви Палестинской, а еще страннѣе, что никто изъ нихъ не вспомнилъ о православныхъ патріархахъ. Не извиняю этой холодности владыкъ нашихъ. Сердце мое скорбитъ о духовномъ разъединеніи Сѣвера и Востока. О Господи, не лиши меня благословенія Твоего на предстоящемъ миѣ поприщѣ ради нѣкоторыхъ пастырей, не разумѣющихъ широты любви Твоей“.

22 Мая Порфирій выѣхалъ въ Кіевъ. „Было холодно. Ни одно дерево въ предмѣстіяхъ столицы не развилось. Отъ догорающихъ лучей солнца ярко блистали стекла въ окнахъ загородныхъ домовъ. Любуясь ихъ пурпуровымъ блескомъ и золотистымъ разливомъ свѣта на западномъ небосклонѣ, я говорилъ самъ себѣ: „такъ да просвѣтится свѣтъ Твой предъ человѣки, яко да видятъ добрыя дѣла и прославятъ Отца, Иже есть на небесѣхъ“. Потухъ свѣтъ солнца. Насталъ сумракъ. Смежились мои очи“.

22 Сентября въ Константинополь Порфирій являлся къ нашему послу В. П. Титову. Вечеромъ въ этотъ же день его посѣтилъ іеродіаконъ Русской миссіи Григорій. Онъ началъ рассказывать, какъ покушаются здѣсь епархіи, какъ епископы собираютъ деньги съ паствы и какъ случилось, что Константинопольскій патріархій престолъ началъ быть покупаемъ. Вначалѣ Турки производили жалованье патріархамъ. Они начали уменьшать это жалованье, и кончилось тѣмъ, что по несчастному соперничеству они сами стали платить за патріаршую шапку. Затѣйливый рассказъ о Григорія прерванъ былъ приходомъ консула Базили. Отцы, зная о моихъ особенныхъ отношеніяхъ къ этому консулу, удалились. Отъ Базили узналъ я, что Дамасская семинарія открыта и что въ ней приготовляются 15 воспитанниковъ для занятія церковныхъ должностей; что патріархъ Іерусалимскій Аванасій—весьма слабый человѣкъ, и что у него изъ подъ подушки крадутъ деньги (недавно украдена шкатулка, розыску вѣтъ ради страха Іудейска); состоящій при немъ секретарь или банкиръ Папудовъ обогатился на счетъ казны Гроба Господня; есть партія между Фанаріотами, которая усиливается совершенно подчинить Іерусалимскій престолъ Вселенскому, не любитъ архіепископа Фаворскаго Геродея, назначеннаго

*) Порфирію дано было негласное порученіе ознакомиться съ состояніемъ православныхъ церквей въ Турецкихъ владѣніяхъ и для этого получилъ онъ, кажется, средства нескудныя. П. Б.

преемникомъ Аванасіи, и затѣваетъ, по смерти патріарха, замѣнить его кѣмъ-либо-другимъ. Одинъ Грузинскій архимандритъ получилъ Крестовый монастырь въ пожизненное владѣніе за 20000 піастровъ; объ этомъ злоупотребленіи консуломъ писано къ Героею, но ходатайство его остается недѣйствительно. Долги казны Гроба Господня почти сполна уплачены, доходы Іерусалимскаго престола, особенно изъ Молдавіи и Валахіи, значительны; но, къ сожалѣнію, при патріархѣ въ монастырѣ Гроба Господня доселѣ не заведено училища“.

„Была рѣчь о Виѣлеемскомъ епископѣ, и когда я сказалъ, что онъ просилъ графа Шереметева письмомъ о вспоможеніи для починки крыши на храмѣ, то Базили удивился и назвалъ его безсовѣстнымъ, ибо крыша починена на счетъ другихъ суммъ“.

„Консулъ также говорилъ мнѣ, что патріарху Іерусалимскому и его сподвижникамъ давно извѣстно мое назначеніе и что всѣ они тревожатся и боятся контроля со стороны Россіи. „Но я старался успокоить ихъ (прибавилъ Базили) и просилъ ихъ открыть вамъ настоящее положеніе Іерусалимской церкви, какъ человѣку, имѣющему довѣренность у Синода и извѣстному по ревности ко благу церкви православной“.

Посѣтившій Порфірія іеродіаконъ Филаретъ разсказалъ, между прочимъ, одно забавное приключеніе.

Въ Анатолиі при одномъ архіереѣ жилъ молодой и бойкій діаконъ. Нерѣдко бывала его герондисса владыки за его шалости и непослушаніе ея капризамъ. Діаконъ терпѣлъ и выговоры, и капризы, и побои отъ герондиссы, потому что боялся быть выгнаннымъ изъ дома и потерять право на архіерейство. „У насъ такой порядокъ, говорилъ улыбаясь о. Филаретъ: кто изъ насъ безропотно выноситъ нечистоты изъ спальни герондиссы владычней и стоитъ неподвижною статуею, когда она бьетъ по щекамъ своими туфлями или чѣмъ попало, тотъ и уменъ, и добръ, и святъ у насъ, тотъ и въ архіереи попадетъ, если, впрочемъ, умѣетъ и успѣетъ нажить нѣсколько тысячъ піастровъ“. Діаконъ терпѣлъ и не зѣвалъ; правдой и неправдой наживалъ, копилъ денежки, но въ сердцѣ своемъ таилъ намѣреніе уйти отъ владыки тайно при первомъ удобномъ случаѣ и послѣ первой удачной кражи денегъ изъ шкатулки преосвященнаго.

Случай представился благопріятный. Герондисса владыки занемогла опасно болѣзнію. Преосвященный, ухаживая за нею, однажды, въ хлопотахъ, при сильномъ обморокѣ своей возлюбленной, забылъ подъ подушкою ключи. Діакону то и на руку. Мгновенно онъ отперъ завѣтный сундукъ, похитилъ давно подмѣченную шкатулку съ Турецкими червончиками, и давай Богъ ноги! Убѣжалъ въ Молдавію и оттуда, спустя года два, явился въ Константинополь. За деньги онъ купилъ себѣ архіерейство и посланъ былъ на первую овдовѣвшую епархію. Спустя годъ, вселенскій патріархъ умеръ, и на мѣсто его избранъ былъ тотъ митрополитъ, котораго обокралъ прежній діаконъ, а нынѣшній преосвященный. Убоясь гнѣва новаго патріарха, архіерей пріѣхалъ въ

Стамбуль и своею пронырливостію и деньгами успѣлъ выхлопотать у султана фирманъ, которымъ падишахъ повелѣвалъ патриарху любить сего архіерея. Патриархъ, получивъ фирманъ, еще болѣе возненавидѣлъ архіерея, но вслѣдствіе повелѣнія султанскаго долженъ былъ любить его. Finis coronat opus!

Случалось иногда и такъ, что извѣстнаго монаха дѣлали архіереемъ единственно потому именно, что онъ оказывался никуда негоднымъ. Дальше идти было, кажется, уже некуда. Въ 40-хъ же годахъ Селевкійскую митрополию въ Антиохійскомъ патриархатѣ занималъ архіерей Іаковъ, Бедуинъ, пахнувшій псиной, круглый невѣжда, серьезно вопрошавшій одного Русскаго, когда онъ узналъ, что тотъ пріѣхалъ изъ Россіи: „знаетъ ли онъ говорить по-русски“, и настолько равнодушный къ своей паствѣ, что не вѣдалъ, сколько православныхъ душъ въ его епархіи, и что говорилъ, какъ о дѣлѣ самомъ обыкновенномъ, о переходѣ нѣкоторыхъ его пасомыхъ въ Турецкую религію. Спрашивается, какимъ образомъ такой человекъ могъ сдѣлаться митрополитомъ и находился отвѣтъ въ высшей степени изумительный: „пресвященный былъ сначала игуменомъ монастыря пророка Іліи и—дурнымъ; чтобы избавиться отъ него, сдѣлали его архіереемъ“. Такіе-то пути ведутъ иногда къ архіерейской каѳедрѣ въ Греко-восточной церкви*).

15 Октября выѣхавъ въ Сирію и посѣтивъ изъ Бейрута Дамаскъ, Триполи и многіе сосѣдніе монастыри, Порфирій 20 Декабря 1843 г. достигъ, наконецъ, святого града Іерусалима. Впрочемъ, укоряя Грековъ, что ихъ владыки имѣютъ герондиссъ, Порфирій забылъ, что у насъ есть молодые викарные архіереи изъ вдовыхъ поповъ съ малолѣтними дѣтьми, ради ухода за которыми они держатъ въ своихъ монастырскихъ кельяхъ (а болѣе совѣтливые на квартирахъ) нестарыхъ нянекъ, боннъ и, кромѣ „ночныхъ собесѣдованій съ ангелами“, не отказываются провѣдывать по ночамъ, хорошо ли спятъ ихъ дѣти.

Любопытный разсказъ передаетъ Порфирій. Одинъ молодой богатый Болгаринъ горячо любилъ свою жену. Послѣ родовъ она лишилась разсудка. Базарджикскій епископъ посоветовалъ свозить больную въ Іерусалимъ, гдѣ она у Гроба Господня и выздоровѣла. Послѣ Пасхи, по пріѣздѣ на родину, Болгарка опять захворала. Епископъ, къ которому мужъ ея обращался ранѣе, разсказалъ ему: „Я вижу, что Провидѣніе тебя и жену твою призываетъ на жительство въ Іерусалимъ. Продай домъ и все имѣніе твое и переселись во Св. Градъ; уповаю на милость Господню: жена твоя опять исцѣлѣетъ“. Болгаринъ исполнилъ совѣтъ святителя, и Господь далъ ей новое исцѣленіе. Послѣ Пасхи они хотѣли возвратиться домой, но лишь только выѣхали за ворота Іерусалимскіе, вдругъ она лишилась разсудка. Тогда мужъ ея вполне понялъ въ чемъ дѣло и рѣшилъ остаться во Св. Градѣ на постоянное жительство послѣ третьяго мгновеннаго исцѣленія у Гроба Господня. Но гдѣ и какъ жить и чѣмъ пропитывать себя, жену и дитя? Намѣстники патриарха, жесто-

*) А у насъ развѣ не бывало? Чтобы сбыть ректора одной Семинаріи, сдѣлали его епископомъ. Однако викарій-епископъ и тутъ оказался мало пригоднымъ по своей необычной ярости.

кіе, безбожные, не хотѣли дать ему безвозмезднаго пріюта въ одномъ изъ пустопорожнихъ своихъ домовъ, а онъ прожилъ все свое состояніе на переѣзды и на богатые вклады въ патріархію. Даже высылали его вонъ изъ Іерусалима. Онъ умолялъ не отринуть его, соглашался на самыя низкія и черныя работы въ патріархіи, лишь бы дали ему пристанище на первый разъ, до первой возможности жить независимо. Черные злодѣи отказали ему въ просьбѣ. Тогда онъ прибѣгъ къ помощи христіанъ Іерусалимскихъ; они собрали ему небольшую сумму, и онъ нанялъ въ одномъ изъ домовъ патріархіи крошечный уголокъ за 200 піастровъ въ годъ и держитъ въ немъ кофейню, а жена его, цвѣтущая, здоровая, умная, расторопная, помогаетъ ему шитьемъ и мытьемъ бѣлья. Но въ спискахъ здѣшняго Синода они считаются до сихъ поръ хаджіями и ежегодно взносятъ за себя, и за сына, и за крестнаго отца его обычную сумму, сверхъ платы за квартиру. Она никогда не выходитъ за ворота городскіе и даже боится приближаться къ нимъ. „Таинственны испытанія Господни, велика благодать Божія и поучительна любовь этого мужа. Эта любовь есть точно даръ благодати, сообщаемой въ таинствѣ брака. Теперь я сильнѣе вѣрю въ силу этого таинства“. Порфирій видѣлъ эту женщину. Несчастія сдѣлали ее чрезвычайно доброю.

„Тяжело мнѣ здѣсь въ Іерусалимѣ (заноситъ Порфирій 6 Февраля въ свой дневникъ). Сердце болитъ, разсудокъ непрерывно сердится на беспорядки человѣческаго общества, утѣшенія нѣтъ ни отъ людей, ни отъ природы; родные, друзья, знакомые—вдали; моя роза цвѣтетъ безъ меня, а что ждетъ меня въ будущемъ? Тяжело мнѣ. Аѳонскіе монахи за деньги постригаютъ въ монашество нашихъ Русскихъ дураковъ. Бездѣльники эти монахи, отродѣя идола Аѳоса! Свѣтскій учитель Грекъ, присланный изъ Константинополя для обученія монаховъ, оказался нечисто проповѣдующимъ, отмечающимъ посты и прочіе церковныя обряды. По настоянію Аѳеима, онъ удаленъ отъ должности. Училище заперто. Жалованья получалъ этотъ бѣсъ по 1000 піастровъ въ мѣсяцъ. Въ контрактѣ, съ нимъ заключенномъ, сказано было, что по неудовольствію той или другой стороны онъ можетъ уволиться или быть уволенъ. Учителишка переругалъ всѣхъ архіереевъ, и особенно Аѳеима. Онъ провалится послѣ Пасхи вмѣстѣ съ поклонниками“.

„Не понимаю, спросилъ я монаха, секретаря Іерусалимскаго Синода, почему Греческіе архіереи живутъ въ патріархіи? Не полезнѣ ли было бы жить имъ въ епархіяхъ? На этотъ вопросъ онъ отвѣчалъ гнѣвно, сердито, что архіереямъ нельзя жить въ епархіяхъ: христіанъ нѣтъ, домовъ нѣтъ, церквей нѣтъ; опасно, скучно.—„Да вѣдь живутъ же на епархіяхъ своихъ Прокопій Штолемаидскій и Діонисій Виѳлеемскій? Почему же бы не могли жить и другіе?“ Тутъ Аѳеимъ вышелъ изъ себя, и давай бранить и ругать Виѳлеемскаго. Въ эти минуты онъ обратился въ кипятокъ, и съ сихъ поръ я прозвалъ его кипяткомъ. Онъ бормоталъ, что Виѳлеемскій безпокойный человѣкъ, перемѣнилъ уже двѣ епархіи; имѣетъ третью жену (т. е. церковь), а все недоволенъ, получаетъ доходы отъ поклонниковъ, а все недоволенъ.—„Я, кричалъ въ бѣшенствѣ Аѳеимъ,

я бранилъ его въ Синодѣ, какъ собаку. Я сдѣлаю его простымъ монахомъ“ и пр. Я сидѣлъ, какъ неподвижная холодная скала. Мнѣ любо было смотрѣть на этого монаха, который въ запальчивости то сдвигался съ дивана на полъ, то подымался на диванъ съ помощію своего толстаго костыля, которымъ онъ бьетъ всѣхъ монаховъ, быть можетъ, замахивается и на архіереевъ. Вотъ всемогущій святогробецъ! Будучи рясофоромъ, возводитъ и низводитъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ. Недаромъ игуменъ нашего Оеодоровскаго монастыря поетъ молебенъ Богоматери, когда ему надобно идти въ Аноиму, духовнику своему, святить келью въ первый день мѣсяца. Бѣдный игуменъ! Не разъ достается ему отвѣдать сладости жезла и палицы Аноима. Сердигаго старца скоро позвали въ Синодъ. Я простился съ нимъ дружелюбно“.

„Послѣ обѣда одинъ іеродіаконъ, бывшій подказначесемъ, говорилъ, что каждый архіерей получаетъ не болѣе 6000 піастровъ ежегоднаго дохода отъ поклонниковъ и отъ требъ, и что этихъ денегъ едва достаточно на герондиссу, мальчика-діакона и прочія мелочи домашнія. Всѣ они живутъ собственными капиталами, нажитыми праведно и неправедно. По мнѣнію іеродіакона, они не захотятъ промѣнять настоящаго покоя на безпокойства и опасности въ епархіяхъ. Если бы патріархъ рѣшился дать имъ на епархіяхъ безбѣдное жалованіе и устроилъ дома и церкви, то, можетъ статья, они пошли бы на епархіи свои не безъ удовольствія“.

„Я—странникъ на землѣ. Колыбели своей не помню; отеческій кровъ давно я покинулъ и никогда не возвращусь подъ этотъ кровъ: это невозможно. Шести лѣтъ я слышалъ шумъ водъ Балтійскихъ; почти десять годовъ мылся я водами моря Чернаго; потомъ два года пилъ воду изъ Дуная и плавалъ по морю Адриатическому и по восточнымъ его заливамъ. Отсюда я опять очутился у береговъ Балтики, но не надолго. Судьба, т. е. судъ Божій увлекъ меня въ Царь-градъ, въ Сирію, въ Палестину. Теперь я въ Іерусалимъ, а гдѣ я буду въ мѣсяцъ Апрѣль и въ Маѣ? Не суждено ли мнѣ видѣть Халдеевъ, Армянъ и обитателей Малой Азіи? Буду ли я въ Молдавіи и Валахія? Увижу ли папу въ Римѣ? Короля въ Парижѣ? Королеву въ Лондонѣ? Не знаю, въ какой книжкѣ будутъ записаны отвѣты на эти вопросы. А для чего я странствую такъ долго? Можетъ быть, для того, чтобы подобно пчелѣ принести прекрасный медъ въ родной улей. Я пчелка Божія, а Россія—мой улей“.

Съ 23 Февраля по 13 Мая 1844 года Порфирій путешествовалъ по Галилеѣ. Онъ поражался невѣжествомъ Греческаго духовенства и бѣдностью церквей.

„6 Марта послѣ обѣда, часа въ два, мы отправились налегкѣ сперва въ деревню Яфу, отстоящую отъ Назарета на полчаса пути въ югозападномъ направленіи. Меня влекло желаніе видѣть родину Зеведеевъ и вмѣстѣ знать, въ какомъ состояніи находится здѣшняя сельская церковь. Это село немалое, построено на двухъ противоположныхъ покатостяхъ одной и той же горы, имѣющей тутъ видъ Европейскаго сѣдла. Низменность между покатостями не застроена и составляетъ родъ улицы, раздѣляющей село на двѣ половины.

Дома походятъ на землянки. Переѣхавъ изъ одной половины деревни въ другую, мы остановились на маленькой площадкѣ подлѣ самой церкви. Покамѣ Назаретскій проводникъ ходилъ за попомъ и ключемъ, я разсматривалъ село и внѣшній видъ церкви. Церковь низка и походитъ на обыкновенный домъ (впрочемъ, имѣеть съ лица фронтонъ въ видѣ треугольника). Предъ входомъ въ нее стоялъ одинъ ветхій и подслѣпый старикъ. „Вотъ потомокъ Зеведеевъ, сказалъ я спутникамъ своимъ, полюбуйтеcя имъ!“ И подлинно онъ не иначе назвалъ себя предъ нами, какъ потомкомъ Зеведеевъ и пророка Или. Проводникъ нашъ привелъ какого-то епитропа церкви съ ключемъ. Попа не было дома. Отперли церковь. Насъ поразила не столько необыкновенная скудость ея, сколько нечистота. Полу нѣтъ, земляной полъ грязный, изрытъ яминками, въ углахъ лежалъ хламъ; среди церкви врытъ въ землю кусокъ желтой колонны, и на ней поставлена полуразбитая капитель, и это сдѣлано, какъ говорилъ староста, для обозначенія мѣста, около котораго ходитъ попь съ великимъ выходомъ. Иконостасъ каменный; на полкахъ стоятъ какія-то ветхія иконы, малыя, полинялыя, безобразныя. Царскихъ дверей нѣтъ; вмѣсто завѣсы виситъ нечистая тряпица; престоль кой-какъ сдѣланъ изъ камней въ видѣ стула, и на немъ столько навозу, пыли, сору, воску и пролитаго масла съ лежавшихъ черепковъ, что я изумился и заплакалъ. На жертвенникѣ таже неопрятность. Сосуды оловянные крайне нечисты. Когда я вынулъ губку изъ потира и понюхалъ, то меня обдалъ несносный запахъ. Не знаю, какъ попь причащается изъ сего сосуда. Церковь посвящена имени великомученика Георгія. Положивъ предъ иконою денежную милостыню, я вышелъ изъ храма съ растерзаннымъ сердцемъ и праведнымъ гнѣвомъ на пастырей. „Оле, пастыри Израилевы!“ прорекалъ я предъ спутниками своими. Церковь не оштукатурена внутри, покрыта по сухимъ палочкамъ землею, заросшею травою. „Ежели въ другихъ селахъ церкви еще хуже этой, то я выплачу свои очи“, сказалъ я своимъ спутникамъ и поѣхалъ въ Меджедель“.

„Это село отстоитъ отъ Яфы на Юго-западъ, на полчаса пути. Мѣстоположеніе его ниже Яфскаго. Оно окружено масличными деревьями. Но дома, какъ и въ Яфѣ, убогія мазанки. Каковы дома, такова и церковь, стоящая почти на краю села. Это убогая и крайне неопрятная хижина, покрытая землею. Вмѣсто дверей вставлена калитка, кое-какъ сколоченная изъ сучьевъ и драничекъ и запирающаяся засовомъ. Сквозь дверь видно внутрь церкви. Попа не было дома; вмѣсто его явилась попадья еще нестарая, и, отодвинувъ засовъ калитки, растворила намъ эту дверь, которая чуть-чуть не упала, а таки повисла на бокъ на одной нижней пятѣ своей. Грустное зрѣлище представилось очамъ: горшая бѣдность и горшая неопрятность, нежели въ Яфѣ. Церковь была не метена со времени постройки ея. Солома валялась на полу. Въ Яфѣ престоль, по крайней мѣрѣ, смазанъ глиною бѣлою, а здѣсь складень, какъ попало, изъ неотесанныхъ камней, ничѣмъ не связанныхъ: того и гляди, что они развалятся. А что на престолѣ и жертвенникѣ? Нечего и говорить. Ужасно, страшно! Господь возгремитъ гнѣвомъ Своимъ на безпечныхъ епитроповъ патріарха и на самого его. Христось убѣжалъ отъ нихъ. Церковь посвя-

щева имени св. Георгія. Подавъ милостыню попадѣ и попросивъ ее сказать мужу, чтобы онъ отслужилъ обѣдню о здравіи нашемъ, мы вышли изъ храма. Попадья просила насъ къ себѣ на кофе, но мы отказались. Впрочемъ, послѣ я пожалѣлъ, что не заглянулъ въ домъ священника, дабы сравнить его съ церковію“.

„Гидскій архіепископъ Кириллъ живетъ въ келіяхъ расписанныхъ и разукрашенныхъ розами, а церкви Божіи находятся въ жалкомъ положеніи. На что это походить? Что это значить? Не обвиняю я попа: онъ держитъ церковь, какъ держалъ ее отецъ его. Онъ темень душею такъ же, какъ и лицомъ. Ему не дали свѣта; ему не сообщили понятій о Богѣ и церкви; ему не привили съ дѣтства страха Божія. Чтожъ мудренаго, если онъ курить табакъ въ храмѣ и вводитъ туда животныхъ? Отъ скота нельзя ожидать благоговѣнія человѣческаго къ святынь. Но Іерусалимскіе архіереи, привыкшіе къ благолѣпію церковному, окруженные богатствомъ! Виноградъ Божій отнимется отъ васъ и предастся инымъ дѣлателямъ“....

Пробывъ недолго въ Назаретѣ, Порфирій поѣхалъ съ своими спутниками въ Эндору. „Эта малая деревушка, населенная черными Арабами, лѣпится къ скалѣ, мѣстами изрытой водою. Въ этой скалѣ много щелей. На восточномъ концѣ деревни лежатъ, какъ попало, огромные камни, оторванные отъ скалы. Въ этомъ-то мѣстѣ мы поднялись на гору вслѣдъ за Эндорцемъ, который взялся показать намъ дивный источникъ. Лишь только мы взлѣзли на гору, увидѣли небольшое каменное зданіе; тутъ сидѣли Арабы. Это или ханъ, или мечеть. Отсюда мы подымались немного выше и выше въ направленіи къ Западу. Въѣздъ былъ довольно затруднителенъ, и почти передъ самымъ источникомъ мы слѣзли съ коней. Вообразите себѣ большой высокій гротъ, сдѣланный природою въ видѣ Г въ каменной скалѣ бѣлаго цвѣта. Проводникъ между обвалившихся камней, какъ сквозь ущелье, провелъ насъ къ источнику съ восточной стороны. Вдругъ представился взорамъ большой, широкій, высокій и довольно далеко въ гору простирающійся гротъ или каменный навѣсъ; подъ нимъ-то вода вытекаетъ изъ-подъ заднихъ стѣнъ и тамъ образуетъ озерко чистой воды; уже изъ этого озерка по искусственному небольшому руслу вытекаетъ вода изъ грота и мелкою струею стекаетъ съ горы въ деревню, и, не знаю гдѣ, теряется. Я пилъ воду: она вкусна и прохладна. Этотъ источникъ Арабы называютъ именемъ деревни. Дикъ этотъ гротъ, изъ-подъ котораго выходитъ вода. Судя по изрытымъ сосѣднимъ скаламъ, къ коимъ пристроена деревня и судя по каменнымъ обваламъ, надобно полагать, что въ древнія времена этотъ источникъ былъ обильнѣе, и, можетъ быть, въ дождливые годы бурно стремился внизъ и прорывалъ скалы. Не здѣсь ли, подлѣ грота, жила Эндорская волшебница? По крайней мѣрѣ, въ этой деревнѣ было мѣсто ея жительства. Сохранилось названіе деревни, и близость ея къ горамъ Гелвуйскимъ, на которыхъ палъ Саулъ, говоритъ въ защиту мнѣнія, что нынѣшній Эндоръ есть тотъ самый Аэндоръ, въ которомъ волшебница показывала Саулу тѣнь Самуила. Неудивительно, что она избрала это мѣсто для своего ремесла:

оно такъ дико. Воображаю, что эта волшебница была также черна, какъ и нынѣшніе жители деревни. Она была, вѣроятно, не Еврейка, потому что Евреямъ законъ строго запрещалъ колдовство подъ смертною казнію. Какая Еврейка могла избрать ремесло, угрожающее ей смертію? И волшебница скрывала свое ремесло. Я думаю, что она была Ханаанка или Египтянка, и что подлѣ источника священнаго у нея былъ оракулъ, съ которымъ тайно совѣтывались суевѣрные Евреи. Надобно полагать, что искусство ея было не мало; вѣроятно, она употребляла тѣже средства, какими пользовался, напр. Калиостро, при мнимомъ вызваніи душъ людей умершихъ. Строгое приложеніе закона Моисеева къ подобнымъ фиглярамъ истребило всякое волшебство въ Израиль; по той-же причинѣ св. писатели не описали намъ и фокуса Аэндорской колдуньи. Что такое колдовство, и именно вызваніе душъ умершихъ? Есть ли оно одураченіе человѣка суевѣрнаго или дѣйствительное средство къ общенію душъ? Я думаю, что не душа человѣка умершаго вызывается, а душа живого сообщается на мгновенія съ духовнымъ міромъ и свойственнымъ ей взглядомъ узнаетъ того, кого ей надобно. Искусство волхванія при семъ случаѣ состоитъ только въ приготовленіи человѣка къ собственному души его вѣдѣнію и въ умѣннн разъединять на время душу отъ тѣла посредствомъ какихъ нибудь куреній, оцѣпѣневающихся на мгновеніе въ человѣческомъ тѣлѣ жизнь его растительную и животную. Не даромъ же народы имѣли своихъ маговъ, не даромъ вѣрили въ вызваніе духовъ и въ заклинаніе ихъ. Какъ могло кому придти въ голову: дай-ка я вызову изъ ада душу моего друга? Скорѣе нѣкоторые люди, занимавшіеся изслѣдованіемъ травъ, могли притти къ подобному результату совершенно случайно: напр. при куреніи, при питіи извѣстнаго зелья душа отдѣлялась отъ тѣла, и видѣла то, чего не могла видѣть въ обыкновенномъ состояніи тѣла. Послѣ перваго случайнаго опыта, естественно, могли быть и повторяемы эти опыты; и вотъ жрецы не для обмана, но въ удостовѣреніе безсмертія человѣческихъ душъ и стали іерофантамъ показывать души. Ихъ ошибка состояла только въ томъ, что они вѣрили въ могущество своихъ заклинаній и средствъ, а дѣло состояло въ растройствѣ духовной и тѣлесной жизни того человѣка, для котораго и при которомъ соверпались заклинанія. Можетъ статья, и жрецы понимали свое ремесло, какъ я понимаю его, да только не открывали тайны профанамъ. И такъ я вѣрю, что душа можетъ видѣть душу при извѣстныхъ условіяхъ или состояніяхъ нашего тѣла; но не вѣрю, чтобы человѣкъ помощью словъ, и формулъ, и куреній, и зеркалъ могъ вызвать душу изъ рая или ада“.

Надо пожалѣть, что эти строки Порфирія, какъ и сама книга, извѣстны очень немногимъ. Обуявшая нашу аристократію мода къ столоверченію и вызванію духовъ была бы, можетъ быть, значительно ослаблена, если бы эти жаждущіе сообщеній съ жителями загробнаго міра хорошенько вдумались въ подобнаго рода чудеса. И какъ блѣдны кажутся разглагольствованія по этому поводу современныхъ философовъ, напоминающихъ своими измышленіями газеты и разнаго рода журналы....

Близъ Сирійскаго города Триполи, на первыхъ высотахъ Ливана, въ виду Средиземнаго моря, есть монастырь во имя Успенія Пресвятой Богородицы, именуемый Белемеидъ. Этотъ монастырь со времени возстанія Грековъ находился въ такомъ жалкомъ положеніи, что никто изъ иноковъ патріаршихъ не соглашался идти управлять имъ; монаховъ въ немъ не было, церковь безъ оконъ, безъ пола, безъ иконостаса, безъ утвари, и ризница похожа была болѣе на темницу, чѣмъ на домъ Божій. Имѣнія монастырскія находились въ разстройствѣ и въ чужихъ рукахъ; Турки требовали ежегодной дани и ежегодно увеличивали ее. Блаженнѣйшій патріархъ Меѳодій, болѣзную о такомъ плачевномъ состояніи Белемеидской обители, въ которой одинъ изъ предшественниковъ его водрузилъ крестъ своими руками, уговорилъ, наконецъ, одного престарѣлаго инока принять на себя управление этимъ монастыремъ на одинъ годъ. Старецъ покорился волѣ патріарха, но въ помощь выпросилъ себѣ іеродіакона Аѳанасія. Сдѣлавшись вскорѣ игуменомъ, Аѳанасій привелъ черезъ 13 лѣтъ этотъ монастырь въ цвѣтущее состояніе. Тогда Триполійскій мусселимъ сталъ требовать съ Аѳанасія вмѣсто платимыхъ ему 500—5000 піастровъ; но Аѳанасій выхлопоталъ у Ибрагима-паши освобожденіе отъ всякихъ налоговъ; также онъ отдѣлался и отъ эмира Бешира, хотѣвшаго завладѣть монастырскими мельницами.

Но если монастырь пощадили невѣрные Турки, то не такъ поступили православные Грекосы.

Вотъ какъ передаетъ эту печальную повѣсть разграбленія монастыря Порфирій.

„Антиохійскій патріархъ Меѳодій, подобно вѣмъ Грекамъ зараженный корыстолюбіемъ, зная о благосостояніи Белемеидскаго монастыря, сталъ требовать отъ игумена Аѳанасія большихъ суммъ то на Дамасское училище, то для сохраненія ихъ въ патріархіи. Игумень отстаивалъ права монастыря, указывалъ патріарху на собственное училище, ручаясь за безопасность казны. Но патріархъ, раздраженный его настойчивостью, слышать не хотѣлъ его представленій; уничтожилъ училище, разогналъ учителей, приказалъ взять деньги изъ церкви и даже обыскать сундуки игумена, въ коихъ, къ стыду патріарха, ничего не найдено, кромѣ ветхихъ рубахъ и одеждъ его. Тогда напрасно гонимый старецъ рѣшился оставить излелѣянную имъ обитель и удалиться на Синай. Тяжелъ былъ для него этотъ крестъ, потому что не злоба Агарянская, а корысть носящаго имя 13-го изъ апостоловъ возложила оный на рамена его. Но Провидѣніе приуготовило ему другое дѣятельное поприще. Іерусалимскій патріархъ Аѳанасій нуждался въ проповѣдникѣ на Арабскомъ языкѣ, и вотъ, по рекомендаціи нашего консула Базили въ Бейрутѣ, игумень Аѳанасій поступилъ въ число братства Святогробскаго и проповѣдуетъ Слово Божіе въ храмѣ, а наняче въ своей келіи гонимымъ Арабамъ Палестинскимъ, гонимымъ двумя врагами: Турками и Греками. Но чтó сдѣлалось съ Белемеидскимъ монастыремъ? Надъ нимъ сбылось слово, нисанное въ пророческой книгѣ: „поражу пастыря, и разыдутся овцы“. Лучшіе иноки разбрелись, кто въ монастырь Св.

Георгія, кто въ Аѳонскую гору, а остальные оплакиваютъ свое прошлое иноческое утѣшеніе, ждуть лучшихъ дней, а порой имъ приходится на сердце бросить лишившуюся благодати обитель и бѣжать въ Ливанскія горы, въ монастыри Уніатскіе. А патріархъ? Онъ весело пересчитываетъ піастры, полученные изъ пустѣющаго иноками монастыря. Меѳодій! Какъ мнѣ жаль тебя! Твоя митра сіяла бы блескомъ немерцающимъ, если бы ты не покрылъ ее чернымъ флеромъ. Покайся, день твой уже преклонился къ вечеру. Покайся, тебя гробъ ожидаетъ зѣвая“.

А у насъ развѣ не было подобнаго рода архієпископовъ, разорявшихъ знаменитыя обители? Вспомнимъ печальную исторію Макарьевского Желтоводскаго монастыря, Астраханскаго и т. д., разореніе которыхъ совершилось на нашихъ глазахъ; о мелкихъ же обычныхъ хищеніяхъ и говорить не стоитъ.

15 Апрѣля Порфирій посѣтилъ этого Аѳанасія. „Послѣ обѣда, говоритъ Порфирій, я вышелъ на террасу монастыря и, прохаживаясь, увидѣлъ на улицѣ у стѣны католическаго монастыря молодого парня въ рубищахъ, лежащаго на какой-то подстилкѣ. У головы его лежали три лепешки и на нихъ кусочекъ бѣлаго сыру. Сперва я подумалъ, что это нищій-калѣка, а потомъ пришло мнѣ въ голову, что онъ извозчикъ и чего-либо дожидается у гостиницы католической. Чтò нужды? Я не обратилъ на него особеннаго вниманія и пошелъ въ свою келію заниматься своимъ дѣломъ. Часовъ въ 6 вечера входитъ ко мнѣ о. Григорій встревоженный, блѣдный и говоритъ: „Позвольте мнѣ, батюшка, пойти и запалить всю патріархію?“ „Не понимаю, какого вы духа, отвѣчалъ я ему, что вамъ сдѣлала патріархія?“— „Это жилище нечестія и немилосердія, продолжалъ онъ, пойду и выжгу этотъ Содомъ и Гоморру“. И засмѣялся.— „Не смѣйтесь, батюшка, и выслушайте, что сдѣлали сегодня лицемѣры, жестоковыйные Греки.“— „Ну, говорите.“— „Отдохнувъ часокъ послѣ обѣда, началъ о. Григорій, я пошелъ прогуляться немножко и замѣтилъ у стѣны католическаго монастыря молодого парня, лежавшаго на голоицѣ.“— „И я видѣлъ его; ну, что же?“— „Онъ просилъ у меня милостыни, я подаль ему, что Богъ положилъ мнѣ на сердце, и пошелъ далѣе. Нищій кричалъ въ слѣдъ меня болѣзненно; но я, не понимая Арабскаго языка, оставилъ его вопли безъ вниманія. Спустя нѣсколько времени, возвращаясь назадъ по улицѣ, ведущей прямо отсюда въ патріархію, я увидѣлъ этого же нищаго уже на другомъ мѣстѣ,—у стѣны дома, принадлежащаго патріархіи, въ которомъ жилъ покойный лѣкарь. Нищій страдалъ сильно отъ какой-то боли и, обращаясь ко мнѣ, умолялъ меня о чемъ-то. Не понимая его языка, я побѣжалъ домой и, взявъ съ собою нашего игумена, просилъ его вызвать игумена Саввинскаго монастыря, который разумѣетъ по-арабски и поговорить съ нищимъ. Игумень пришелъ, и что же? Оказалось, что молодой парень не есть нищій, а поклонникъ, и что онъ на пути въ Іерусалимъ ограбленъ и избитъ былъ разбойниками, изъ которыхъ одинъ пронзилъ ему ногу копьемъ. Нѣкоторые сострадабельные христіане, такіе же поклонники, какъ онъ, нашли его на дорогѣ полунагого, полуживого и, узнавъ о несчастіи его, сжалились надъ нимъ, по-

ложили его на осла, привезли въ Іерусалимъ и сдали его въ патріархію. Здѣсь несчастный пролежалъ два дня, и потомъ намѣстникъ патріарха приказалъ выбросить его куда-нибудь на улицу, чтобы избавиться отъ хлопотъ; и вотъ хамаль взвалилъ его на плечи, и чтобы не таскаться съ нимъ далеко, бросилъ его подлѣ стѣны католической обители, какъ разъ напротивъ нашего монастыря. Конечно, намѣстники полагали, что хамаль отнесетъ его куда-нибудь въ другое мѣсто, напр. въ Жидовскій кварталъ; но Богъ обличилъ ихъ жестокосердіе. Католики, узнавъ, что впадшій въ разбойники есть православный христіанинъ, также не оказали ему никакой помощи и милости, и перетащили его къ тому же дому, гдѣ я засталъ его въ другой разъ. Такимъ образомъ и наши и чужіе отталкиваютъ отъ себя несчастнаго. Помилуйте, батюшка, собаки съѣдятъ его“. Выслушавъ это, я ужаснулся; сердце мое заболѣло; духъ мой забушевалъ, какъ бушуетъ дубрава отъ нечаяннаго порывистаго вѣтра изъ горныхъ ущелій. „Подите, спѣшите, бѣгите, говорилъ я, принесите сюда отверженнаго; мы призрѣмъ его, упокоимъ его, вылѣчимъ его. Но напередъ дайте знать намѣстнику Кириллу, что я прошу его помѣстить разбитаго въ Русскомъ монастырѣ“. По моему приказанію, нашъ игумень побѣждалъ къ сему намѣстнику. Между тѣмъ преосвященный уже узналъ, вѣроятно, чрезъ Саввинскаго игумена, что постыдное приключеніе огласилось въ Русскомъ монастырѣ и потому приказалъ тотчасъ взять несчастнаго и помѣстить его напротивъ патріархіи въ одномъ изъ ея домовъ, а когда явился къ нему нашъ игумень, то онъ, между прочимъ, спросилъ его: „Знаетъ ли архимандритъ Порфирій объ этомъ уродѣ?“ — „Знаетъ, отвѣчалъ игумень, и потому прислалъ меня просить васъ помѣстить его въ Федоровскомъ монастырѣ“. — „Скажи архимандриту, что этотъ уродъ призрѣнъ теперь нами, и что его выбросили на улицу не мы, а одна Арабка, которой мы поручили ухаживать за нимъ“. Игумень пересказалъ мнѣ слова намѣстника. Хитрое оправданіе его удивило меня, и я рѣшился въ душѣ моей спросить завтра утромъ самого больного, точно ли онъ отданъ былъ на попеченіе Арабкѣ и уже ею былъ выброшенъ, а игумена своего просилъ сходить и посмотрѣть новое помѣщеніе больного. Онъ съ фонаремъ въ рукахъ ходилъ туда, видѣлъ и донесъ мнѣ, что больной помѣщенъ въ конюшнѣ и что лампада свѣтится тамъ. Я затаилъ въ себѣ горестъ и досаду. Наступила ночь. Некогда было оспаривать у намѣстника сокровище христіанскаго милосердія. — „Вотъ каковы здѣшніе святители, батюшка, сказалъ мнѣ о. Григорій, приготавливая чай: бросили псамъ на съѣденіе человѣка ограбленнаго, избитаго, немощнаго; правду говорилъ Армянскій патріархъ, что всѣ діаволы собрались сюда въ Іерусалимъ и склоняютъ людей ко всякому злу“.

Нравственный упадокъ существовалъ во всѣ времена. Еще Сенека говорилъ о такомъ, современномъ ему, упадкѣ. „Все наполнено злодѣянiami и пороками; никакія мѣры не могутъ стать въ уровень съ разлитіемъ зла, какъ будто всѣ бѣгутъ на перебѣжку, на какомъ-то громадномъ ристалищѣ порочности. Съ каждымъ днемъ все больше и больше склонность къ грѣху; все

меньше и меньше застѣнчивости. Послѣ того, какъ брошено уваженіе къ доброму и честному, пожеланіе направляется на все, что взглянется. Преступленія уже не скрываются: они всѣ на виду. И настолько распространилась въ обществѣ порочность и овладѣла всѣми сердцами, что невинность не только стала рѣдкостью, но и совсѣмъ нигдѣ не встрѣчается“.

Греческіе архіереи всегда жаловались въ Россіи на свою бѣдность и всегда старались рисовать свое положеніе самыми печальными чертами. „Войдемъ въ покои Греческаго архіерея не фантастическаго, а дѣйствительнаго, говоритъ А. П. Лебедевъ*). Въ пріемной комнатѣ мы найдемъ широкую Турецкую софу, а на ней подушки изъ Сирійскаго разноцвѣтнаго шелка; необходимую принадлежность благоустроеннаго жилища на Востокѣ составляетъ бронзовая жаровня: ее вы тоже найдете въ пріемной архіерея; жаровня эта у него вся литая, на красивыхъ львиныхъ лапкахъ и такая огромная, что три человека едва могутъ поднять ее. Если поинтересуемся узнать, что находится въ буфетномъ шкапу архіерея, то мы узримъ желе изъ айвы, шербетъ розовый, кофейный и розовый листъ и орѣхи съ гвоздикой, и само собой разумѣется, ароматное вино. Если же пожелаемъ познакомиться съ поварскою архіерея, то найдемъ тамъ гусей, цыпленка и поросенка. Греческіе архіереи, какъ извѣстно, разрѣшаютъ себѣ скоромную пищу по тому основанію, что они въ настоящіе монахи не посвящаются, а остаются навсегда рясофорными, хотя и возлагаютъ на себя монашескія принадлежности. И этотъ обычай соблазнять насъ не долженъ. Въ одеждѣ архіереи любятъ разнообразіе, и нѣкоторые изъ нихъ часто перемѣняютъ свои платья. Значить, гардеробъ ихъ богатъ и дорогъ. Въ прежнее время архіереи иногда украшали свою голову чалмой, этой красивой принадлежностью Турецкаго костюма, причемъ они въ свое оправданіе ссылались на принужденіе со стороны Турокъ, но эта отговорка лишена всякаго значенія“.

„Въ помѣщеніи Греческаго архіерея встрѣтишь еще, чего совсѣмъ не ожидаешь—экономку или сожительницу. Эти личности женскаго пола носятъ различныя наименованія: герондиссы, коконы, параманы, проще: наложницы, а деликатнѣе: „преосвященныя монахини“. Такихъ особъ женскаго пола держатъ не одни архіереи, но и другіе клирики, такъ какъ безбрачными остаются въ Греціи не только патріархи, епископы и архимандриты, но нѣкоторые приходскіе, городскіе священники и даже діаконы. Дѣятельность параманъ, преосвященныхъ монахинь (или какъ хотите назовите) заключается въ слѣдующемъ: онѣ изготовляютъ архіерею любимыя его блюда, измываютъ его святительскія ноги, стелютъ ложе, варятъ варенье, повязываютъ черный платочекъ поверхъ камилавки, когда архіерей выходитъ изъ дому и проч. Нѣкоторымъ Греческимъ архіереямъ иногда приходится выслушивать укоризну, что герон-

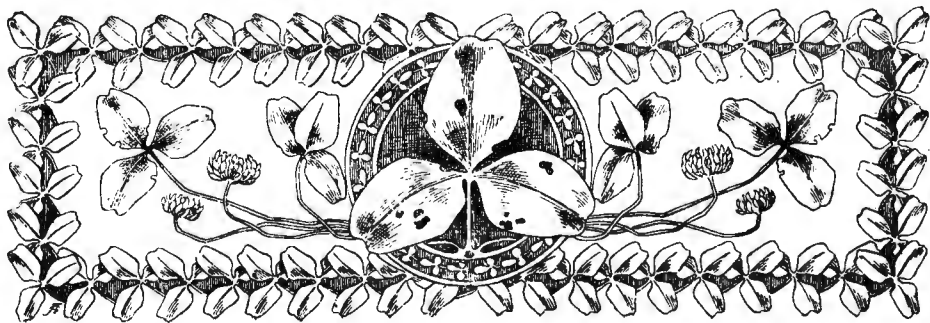
*) „Нѣсколько свѣдѣній изъ исторіи правовъ Греческаго высшаго духовенства“, стр. 15.

диссы ихъ служатъ соблазномъ для христіанъ. Въ такомъ случаѣ соблазняющійся можетъ услышать слѣдующія слова отъ архіерея: „и ап. Петръ водилъ съ собою сестру-жену, а мы преемники его. Самому Господу служили жены; почему же и намъ не принимать ихъ служенія и послушанія? Не мы первые ввели обычай принимать въ свои келіи герондиссы; это ужъ издавна ведется. Зло меньшее все же лучше зла большаго(!?). Но пусть мы по вашему любодѣи, блудодѣи, мы отдадимъ въ этомъ отчеты Богу“. Нужно признаться, что подобная апологія не только не успокоивала соблазняющихся, но иногда даже приводила ихъ въ ужасъ. Содержаніе коконъ или наложницъ иногда дорого обходилось архіерею; онѣ любятъ деньги, любятъ зрѣлища, нуждаются иногда во врачебномъ искусствѣ. Часто онѣ достигали большаго значенія въ самой административной дѣятельности архіерея. Этого рода соблазномъ дѣло впрочемъ, кажется, не ограничивалось въ жизни Греческихъ архіереевъ“.

А. Титовъ.

Ростовъ Великій, 1 Февраля 1910 г.

СТЕФАНЪ АРХІЕПИСКОПЪ СУЗДАЛЬСКІЙ.

Въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“, изданномъ прошлаго 1909 года подъ редакціей предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго Общества А. А. Половцева, помѣщена біографія Стефана, архіепископа Суздальскаго. Эта біографія составлена довольно кратко и страдаетъ отчасти неточностями. Пользуясь имѣющимися у меня матеріалами, я позволяю себѣ сдѣлать нѣкоторое пополненіе и принимаю при этомъ за основаніе единственную о Стефанѣ обстоятельную статью архимандрита Леонида Кавелина, напечатанную въ 1-й книгѣ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей“ за 1876 г.; она, очевидно, автору біографіи Стефана, помѣщенной въ „Біографическомъ Словарѣ“, была неизвѣстна.

Архіепископъ Стефанъ былъ изъ роду богатыхъ и славныхъ Ростовскихъ купцовъ Кичигиныхъ. Родъ Кичигиныхъ упоминается въ писцовыхъ книгахъ и другихъ Ростовскихъ документахъ XVI и XVII вв. Представители этого рода во время царя Алексѣя Михайловича вели торговлю съ Англичанами, для чего имѣли контору въ Архангельскѣ; вообще они составляли въ XVII вѣкѣ мѣстную знать. Ихъ домъ въ Ростовѣ находился на теперешней Окружной улицѣ, между Воздвиженской церковью и бывшимъ Андреевскимъ монастыремъ. Два родныхъ брата Кичигиныхъ приняли монашество; старшій изъ нихъ былъ Суздальскій архіепископъ Стефанъ, а младшій—Вологодскій архіепископъ Гавріиль. Имена этихъ двухъ архіепископовъ занесены въ синодикъ Ростовскаго Андреевскаго монастыря, который упраздненъ въ 1723 г. и приписанъ къ Спасо-Яковлевскому Ростовскому, куда передано и все церковное имущество; въ этой же обители хранится и монастырскій синодикъ*). Надо прибавить, что въ XVIII вѣкѣ, по

*) Подробное описаніе въ моей книгѣ: „Рукописи И. А. Вахромѣева“, т. V, 328—334.

основаніи Петербурга, когда совершенно измѣнился транзитный путь, Кличигинымъ не повезло, и они обѣднѣли. Впрочемъ, фамилія Кличигиныхъ существуетъ въ Ростовѣ и по настоящее время.

Когда и гдѣ принялъ постриженіе преосвященный Стефанъ, пока намъ не извѣстно. Архим. Леонидъ говоритъ (стр. 223), что Стефанъ состоялъ въ клирѣ патриарха Никона. Онъ былъ келейнымъ старцемъ патриарха и сопровождалъ его въ путешествіяхъ, о чемъ упоминаетъ Никонъ въ письмѣ къ царю изъ Владимира: „А я, богомолецъ вашъ, да попъ Стефанъ еще живы“. Никонъ посвятилъ его настоятелемъ Новаго Іерусалима. Затѣмъ 18 Октября 1657 г., при освященіи Воскресенскаго храма, въ присутствіи царя, Стефанъ былъ произведенъ въ архимандриты, а лѣтомъ 1658 г. посвященъ въ архіеп. Суздальскаго и Тарусскаго на мѣсто архіеп. Филарета, переведеннаго въ Смоленскъ.

Въ 1659 г. на Стефана послѣдовалъ доносъ архим. Спасо-Евфиміевскаго монастыря Авраамія и соборнаго попа Никиты Константинова (Пустосвята), обвинявшихъ Стефана въ томъ, что онъ служитъ литургію не по правиламъ св. отецъ и „всякой святыни ругается, и учитъ не отъ Божественнаго Писанія“ *). Въ Августѣ 1659 г. въ Суздаль были посланы слѣдователи: епископъ Вятскій Александръ, архимандриты Чудовской Павелъ и Богоявленскій Кипріанъ. Слѣдователи признали доносъ несправедливымъ; но Никита подалъ царю новый доносъ съ жалобой, что Стефанъ грамотой отрѣшилъ его отъ церкви и лишилъ дохода; кромѣ того, онъ приложилъ новую роспись винамъ Стефана. Но и на самого Никиту поступила отъ архіепископскаго прикащика Дениса Петрова жалоба, что онъ, попъ Никита, пріѣхавъ 16 Сентября 1659 г. въ Суздаль, въ церкви учинилъ великое смятеніе, называлъ архіепископа Стефана государевымъ измѣнникомъ и еретикомъ, и проклиналъ, и на многолѣтіи и отпустѣ архіепископа не поминалъ. Производитъ слѣдствіе по этимъ доносамъ опять пріѣхалъ Вятскій епископъ Александръ съ патриаршимъ дьякомъ Парееніемъ Ивановымъ. Слѣдствіе производили строго, допрашивали многихъ лицъ, которыя, большею частью, подтвердили сдѣланные противъ Стефана извѣты.

Для суда надъ Стефаномъ въ 1660 г. составленъ соборъ, при участіи боярина Петра Михайловича Салтыкова и думнаго дьяка Алмаза (Героева) Ивановича, который приговорилъ его къ лишенію сана. Но царь Алексѣй, пересмотрѣвъ дѣло, велѣлъ сказать властямъ, что „ко-

*) Дѣло это хранится въ Московской Синодальной библіотекѣ.

торыя вины передъ нимъ, государемъ, то онъ ихъ прощаетъ, а что вины церковныя, то въ томъ бы власти судили и прощали по правиламъ, потому что отъ простыхъ рѣчей прозябають ереси, а попа Никиту чтобы отослали подъ гражданской судъ“. Тогда соборъ, видя, что въ иныхъ статьяхъ Стефанъ оклеветанъ Никитою, а въ другихъ винится передъ соборомъ и проситъ прощенія, постановилъ дать ему прощеніе, но не оставилъ его на прежней Суздальской епархіи, потому что онъ возненавиденъ этого города людьми, а указалъ ему, ради пропитанія, быть у Архангельскаго собора въ Москвѣ и въ немъ архіерействовать для совершенія поминовеній по умершимъ царямъ и великимъ князьямъ. Тогда, по словамъ автора Суздальской исторіи, ключаря Ананіи, въ Архангельскій соборъ была взята изъ Суздаля часть архіерейской ризницы. Архим. Леонидъ (стр. 225) полагаетъ¹⁾, что невзгода эта постигла Стефана потому, что онъ былъ изъ лицъ преданныхъ тогда уже опальному патріарху Никону и во всемъ слѣдовалъ его церковнымъ распоряженіямъ. Этимъ и объясняется строгость, съ какою производили слѣдствіе Вятскій епископъ Александръ, извѣстный сторонникъ расколоучителей, и дьякъ Парѣній Ивановъ, бесѣдовавшій въ Суздаль съ попомъ Никитою о сугубой аллилуйи. Вскорѣ послѣ этого назначенія, кажется около 1661 г., Стефанъ самовольно оставилъ обязанность служить въ Архангельскомъ соборѣ, за что и былъ отосланъ въ Ростовскій Борисоглѣбскій, что на Устьѣ, монастырь²⁾. Очевидно, эта ссылка была кратковременна, такъ какъ въ 1663—1666 гг. Стефанъ именуется архіепископомъ Архангельскимъ и Звенигородскимъ. Въ концѣ 1666 или въ началѣ 1667 г. ему была возвращена Суздальская епархія, каеэдра которой все время оставалась незанятою. Будучи Суздальскимъ архіереемъ, онъ участвовалъ въ Московскомъ соборѣ 1667 г. и подписывался подъ опредѣленіями его такъ: „Смиранный Стефанъ, архіепископъ Суздальскій и Тарусской“. По возвращеніи въ Суздаль, по грамотѣ патріарха Іосифа, онъ производилъ изслѣдованіе о чудесахъ отъ Смоленской иконы Пресв. Богородицы, находящейся въ Шуйскомъ Воскресенскомъ соборѣ. Въ 1668 г. онъ производилъ изслѣдованіе о мощахъ Арсенія епископа Суздальскаго, „Грека изъ Геласонска града“³⁾, управлявшаго Суздальской епархіей съ 1613 по 1625 г. и похороненнаго въ Суздальской соборной церкви. Арсеній въ 1597 г. былъ назначенъ къ Московскому Архангельскому собору съ титуломъ архіепископа Архангельскаго и Элассонскаго, подписывался подъ гра-

¹⁾ „Братское Слово“, 1875 г., кн. 4, примѣч. къ стр. 571—575.

²⁾ Журналъ Мин. Народн. Просв., ч. LV, стр. 377.

³⁾ А. Дмитревскій. Архіепископъ Элассонскій Арсеній и мемуары его изъ Русской исторіи. Кіевъ. 1899 г.

мотой объ избраніи въ цари Бориса Годунова, принималъ участіе во встрѣчѣ Дмитрія и близъ гробницъ царей Іоанна Грознаго и Θεодора Іоанновича возлагалъ на главу его вѣнецъ Мономаха. Спустя 44 года по смерти Арсенія, въ 1668 г., архіеп. Стефанъ писалъ патриарху Іоасафу, что „будучи Арсеній архіепископомъ въ Суздаль, представился и погребень бысть въ соборной церкви Рождества Пресв. Богородицы въ прошломъ 7133 году на лѣвой сторонѣ, подлѣ столпа; и въ нынѣшнемъ 7176 (1668) году Марта въ 8 день, что былъ на гробѣ его кирпичный сводъ, и тотъ сводъ переть осыпалась, и люди гробъ его видятъ, и подлѣ той гробницы не починя стоятъ нельзя“. Патриархъ поручилъ Стефану вмѣстѣ съ Чудовскимъ архим. Іоакимомъ освидѣтельствовать мощи Арсенія. Въ исполненіе патриаршаго приказа Стефанъ доносилъ, что мощи Арсенія досматривали, въ новый гробъ передожили и поставили на прежнемъ мѣстѣ. Надо полагать, что вслѣдствіе дальнѣйшаго разрѣшенія патриарха Стефанъ вмѣстѣ съ архим. Іоакимомъ 28 Апрѣля 1668 г. „надъ мощами святителя Арсенія литургію и панихиду соборнѣ служили, а въ Іюлѣ мѣсяцѣ надъ гробомъ устроена гробница, и образъ его святителейъ написанъ, о чесомъ и во описныхъ соборной церкви 7191 г. книгахъ о построеніи надъ гробомъ преосв. Арсенія гробницы показуется“. Затѣмъ образъ пр. Арсенія стали писаться и поставляться во многихъ церквахъ, да и самъ Стефанъ въ своихъ писаніяхъ къ разнымъ лицамъ заключалъ такъ: „За милость Божию и Пречистыя Богородицы и великихъ святителей Іоанна и Θεодора и Арсенія, Суздальскихъ чудотворцевъ“....

Въ 1671 г. 21 Января Стефанъ находился въ Москвѣ при томъ случаѣ, какъ царь требовалъ у патриарха благословенія на бракосочетаніе свое съ Наталіей Кирилловной; а 5-го Февраля, въ Сыропустную недѣлю, царь, бывши у патриарха для прощенья, говорилъ о непослушаніи Стефана, что онъ-де съ митрополитомъ соборнѣ служить не хочетъ*).

Въ Февралѣ 1672 г. Стефанъ построилъ себѣ саккосъ изъ Индѣйской камки, что пожаловалъ ему государь въ 1671 г. за поминованіе царицы Маріи Ильиничны. 18 Февраля онъ присутствовалъ при погребеніи патриарха Іосифа. Въ концѣ этого же мѣсяца царь Алексѣй и патриархъ Іоасафъ повелѣли „быти Суздальской епархіи (вмѣсто Тарусской и Калужской десятинь) достальному Суздальскому уѣзду, которыя ранѣе были въ патриаршей области“. Патриархъ благословилъ и повелѣлъ Стефану служить въ саккосѣ. Въ Мартѣ

*) Др. Россійск. Вивлію., VI, 311.

онъ участвовалъ на соборѣ объ учрежденіи Новгородской епархіи. 6 Іюля 1673 г. онъ былъ при нареченіи въ патріархи Новгородскаго митрополита Питирима, который подтвердилъ ему государево жалованье и благословеніе своего предшественника служить въ саккосѣ, вслѣдствіе чего онъ „15 Октября на Москвѣ на домовомъ своемъ подворьѣ впервые въ саккосѣ облачился и литургію служилъ, и инья службы на подворьѣ служилъ, а на соборѣ служилъ въ ризахъ“. При нареченіи патріарха Іоакима Стефанъ не присутствовалъ и только въ концѣ Августа 1674 г. вернулся въ Москву изъ своей епархіи.

1675 г. 8 Августа Іоакимъ указалъ архіеп. Стефану ѣздить къ себѣ въ соборную церковь безпрепятственно, а служить ему, архіепископу, безъ его святительскаго благословенія не указалъ. 15 Августа архіеп. Стефанъ служилъ съ патріархомъ въ Успенскомъ соборѣ и былъ въ числѣ архіереевъ, приглашенныхъ къ патріаршему столу. Въ этомъ же 1675 г. Стефанъ усиленно ходатайствовалъ о возстановленіи близъ Суздаля древняго монастыря въ селѣ Кидекшѣ, при церкви Бориса и Глѣба (построенной еще въ 1162 г. вел. кн. Юріемъ Долгорукимъ, гдѣ погребены его сынъ Борисъ Юрьевичъ и другіе Суздальскіе князья и княгини). Въ своемъ прошеніи къ царю Алексѣю Стефанъ писалъ: „Въ нынѣшнемъ, государь, 7138 г. промысломъ Божіимъ въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, что въ Кидекшѣ, обрѣтошася мощи вел. кн. Бориса Георгіевича въ гробницѣ, и по досмотру Спасскаго Евфиміевскаго архимандрита да Суздальскаго воеводы и того жъ Борисоглѣбскаго монастыря священника и прочихъ прилучившихся тамо людей, онъ, великій князь, почиваетъ въ своей одеждѣ, и гербъ на немъ, и доннынѣ цѣло, и той вел. кн. братъ благовѣрнаго вел. кн. Андрея Юрьевича Боголюбскаго, да въ томъ же монастырѣ почиваютъ и прочіе князья Суздальскіе и княгини“. Стефанъ заключаетъ свое довольно пространное ходатайство тѣмъ, чтобы „пустой Кидекшскій монастырь съ вотчинами отдать въ Суздальскую архіепископію и построить общежительство игумена, чтобъ государское богомоліе въ пустотѣ и нестроеніи не было, и гробъ благовѣрныхъ великихъ князей въ забвеніи безъ украшенія, и памяти ихъ безъ воспоминанія не были“. Какія были послѣдствія этого донесенія, свѣдѣній нѣтъ. Въ подробномъ описаніи с. Кидекши, помѣщенномъ въ „Историко-статистическомъ описаніи церквей и приходовъ Владимирской епархіи“, за 1897 г. (вып. III, стр. 110), упомянуто лишь одно донесеніе Стефана. Въ немъ онъ сообщаетъ о нетлѣнныхъ мощахъ вел. кн. Бориса Георгіевича и о томъ, что каменная гробница этого князя находится на правой сторонѣ задняго угла Борисоглѣбской церкви, построенной въ 1329 году.

15-го Іюня 1676 г. Стефанъ участвовалъ при поставленіи на царство Ѳеодора Алексѣевича, 22-го Октября служилъ въ Москвѣ, а 1677 г. проживалъ въ Москвѣ на Суздальскомъ архіерейскомъ по-дворьѣ. 28-го Апрѣля этого года имъ дана была грамота о построеніи въ Шартомскомъ монастырѣ каменной церкви въ имя св. Дмитрія Селунскаго¹⁾. Въ Маѣ этого же года крестьяне Шартомскаго монастыря подавали жалобу на своего архимандрита Наванайла²⁾.

На этой записи прекращаются почти всѣ документы о пребываніи Стефана на Суздальской епархіи, если не считать одной рядной грамоты отъ 7-го Января 1678 г., данной во время святительства Стефана въ Суздаль³⁾.

Въ статьѣ о Суздальской епархіи, напечатанной въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (Іюль 1852) все архіерейство Стефана въ Суздаль ограничено только двумя годами, 1659 и 1660 гг.; потомъ онъ былъ опредѣленъ къ Архангельскому Московскому собору, а на мѣсто его въ Суздаль хиротонисанъ Маркеллъ, святительствовавшій тамъ съ 1662 по 1680 г. Въ обоихъ изданіяхъ Истории Россійской Іерархіи о Стефанѣ, въ каталогѣ архіереевъ Московскаго Архангельскаго собора, говорится, что онъ тамъ служилъ въ 1670 г. Но и это невѣрно: съ 1667 года, въ продолженіе болѣе девяти лѣтъ при Архангельскомъ соборѣ постоянно служилъ Сербскій епископъ Іоаннъ Діаковичъ.

Въ „Истории Россійской Іерархіи“, въ росписи Суздальскихъ архіереевъ, значится, что архіепископъ Стефанъ въ концѣ своего управленія этою епархіею былъ соборнѣ отлученъ (лишенъ епархіи) и отправленъ въ заточеніе: сперва въ Новгородскій Лисицкій монастырь, а потомъ перемѣщенъ въ Іоасафовъ Волоколамскій, гдѣ и скончался. Но, говоритъ архимандритъ Леонидъ, ни причины его осужденія, ни время онаго не означены, и ни въ какихъ другихъ источникахъ указанія на сіе мы не нашли⁴⁾. Очевидно, архим. Леонидъ пользовался отчасти тѣмъ документомъ, чтò сыскивалъ Вятскій епископъ Александръ въ 7168 г. Дѣло это (столбецъ № 20) упоминается въ описяхъ столбцамъ Патріаршаго разряда⁵⁾, но тамъ только одно это дѣло 1660 г.;

¹⁾ Грамота эта напечатана въ Собраніи старинныхъ актовъ г. Шуи Борисовымъ. М. 1853, стр. 234—236.

²⁾ Тамъ же стр. 242.

³⁾ Эта грамота напечатана въ Юридическихъ Актахъ, стр. 421.

⁴⁾ Чтенія. 1876 г., I, стр. 234.

⁵⁾ Историч. акты, собр. Археогр. Комиссіи, т. V, стр. 481.

между тѣмъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ есть рукопись изъ древлехранилища Погодина № 1608 (лл. 31—35), въ которой означенъ не только годъ осужденія Стефана, но отчасти сдѣланы и указанія на его вины.

Архимандритъ Леонидъ причину отлученія Стефана относитъ къ мстительному характеру патріарха Іоакима (1674—1690). Онъ, пользуясь молодостью и неопытностью царя Феодора Алексѣевича, отмстилъ патріарху Никону отягченіемъ его заключенія; духовника царя Алексѣя Михайловича, Благовѣщенскаго протопопа Андрея Савиновича, сослалъ въ монастырь, съ Смоленскаго митрополита Селивестра снялъ бѣлый клобукъ и т. д. Мы не ошибемся, если къ этому же времени (т. е. къ первымъ годамъ царствованія Феодора Алексѣевича) и къ этимъ же причинамъ отнесемъ и опалу архіепископа Стефана, какъ одного изъ приверженцевъ святѣйшаго патріарха Никона. Стефанъ въ 1660 г. осмѣлился открыто говорить предъ лицомъ собора, что онъ священнодѣйствуетъ по чину, переданному имъ бывшимъ патріархомъ Никономъ. Такъ говорилъ архіепископъ Стефанъ, можетъ быть, заподозрѣнный, а можетъ быть и уличенный въ сношеніяхъ съ опальнымъ патріархомъ или столкнувшійся въ какомъ-либо дѣлѣ съ Суздальскимъ воеводою, Тимофеемъ Петровичемъ Савеловымъ, который, по всей вѣроятности, былъ близкій родственникъ патріарха Іоакима, происходившаго изъ той же фамиліи и состоявшаго, черезъ своего брата, въ родствѣ съ извѣстнымъ любимцемъ царя Алексѣя Михайловича, Алексѣемъ Мусинымъ-Пушкинымъ. Стефану также въ вину было поставлено прославленіе мощей Суздальскаго архіерея Арсенія Грека, который за царя считалъ самозванца Гришку и бармы на него и корону Мономаха на главу возлагалъ. Очевидно, враги всѣми силами старались увеличить вины этого архіепископа, не брезгая и политическимъ доносомъ.

Стефанъ, равно и современникъ его Іосифъ, архіеп. Коломенскій († 1681 г.), были ставленники патріарха Никона и характерные люди того времени, твердо усвоившіе Никоновскія начала и подражавшіе этому несокрушиму до самой смерти владыкѣ.

Самъ царь жаловался патріарху на неповиновеніе Стефана. Въ одной изъ замѣтокъ профессора Московскаго университета, О. М. Бодянскаго, занесено, что Стефанъ въ укоръ патріарху Іоакиму говорилъ, „что-де псы будутъ на патріаршемъ дворѣ щенять своихъ родить и радость настанетъ бѣсамъ отъ гибели многихъ людей“. И такого рода ругательства и поношенія были говорены неоднократно; особенно они были обидны для самолюбиваго патріарха, когда касались его мало-

грамотности. Извѣстно, что Іоакимъ вообще не пользовался любовью своей духовной паствы. Онъ былъ человѣкъ ратный и до монашества служилъ въ стрѣльцахъ; попавши въ случай, онъ былъ грубъ и не стѣснялся съ своими подвластными иноками, какого бы они чина ни были.

Хотя Іоакимъ и занесенъ въ Словарь Писателей духовнаго чина, какъ авторъ нѣсколькихъ произведеній, но современная критика уже доказала, что всѣ его работы, въ особенности же по обличенію раскола, написаны были Аванасіемъ, архіепископомъ Холмогорскимъ, Киріономъ Истоминымъ и другими¹⁾. О малограмотности патріарха намъ оставилъ свидѣтельство и его современникъ, Симонъ Полоцкій, сказавъ, что Іоакимъ „ученъ мало и книжныхъ рѣчей не разумѣть“²⁾. Авторъ „Обзора Русской духовной литературы“ (стр. 227) архіеп. Филаретъ Черниговскій, говоря о литературныхъ трудахъ Іоакима, заключаетъ, что, если воспитатель царя Феодора Алексѣевича дорожилъ просвѣщеніемъ Запада, то тѣмъ уже, конечно, не былъ патріархъ Іоакимъ, а былъ Симеонъ Полоцкій.

За два года передъ изгнаніемъ Стефана, той же участи въ 1676 г. 15 Марта подвергся его сотоварищъ Іосифъ, архіепископъ Коломенскій, сосланный въ тотъ же Лисій монастырь. Любопытно, что препроводительная грамота патріарха Іоакима на имя Новгородскаго митрополита Корнилія (въ епархіи котораго находился Лисій монастырь), не во многомъ разнится съ вышеупомянутой, относящейся до Стефана. Въ этой грамотѣ лишь сдѣлано дополненіе, что, если Іосифъ, архіепископъ Коломенскій, будетъ братію монастырскую и служебниковъ и крестьянъ обременять поборами, или по своимъ прежнимъ дурнымъ привычкамъ своей необычною архіерейскою яростію учнетъ бить безъ милосердія, или по' недостойнству людямъ досаждать: то митрополиту его отъ того унимать и ко всякому благому смиренію приводить. Но дѣла Іосифа были гораздо важнѣе Стефана. Во время пребыванія на Коломенской епархіи Іосифъ дѣйствительно отличался необычною яростію. Въ дѣлахъ объ этомъ архіепископъ, хранящихся въ Патріаршей библиотекѣ, есть показаніе: „А какъ станетъ онъ, Іосифъ, прохладенъ (навеселѣ), и не щадитъ никого: ни царя, ни патріарха, ни бояръ; говоритъ про великаго государя, что не умѣетъ въ царствѣ никакой расправы самъ собою чинить; люди имъ владѣютъ... А патріархъ Іоакимъ мало и грамотъ умѣетъ... на соборѣ только бороду устава

1) Вѣлюковъ. „Христіанское Чтеніе“. 1885 г.

2) Іоакимъ на это отвѣтилъ: „Святъ санъ Симеонъ имѣетъ, а обычаемъ похабъ“.

сидить, ничего не знаетъ, непостояненъ, трусь... поученіе станеть говорить—только гноить, и слушать не хочется“. Далѣ Іосифъ называлъ патріарха глупцомъ, безлюдицею; архіереевъ—скотами и трусами, шушерою; бояръ—хамовымъ родомъ и т. д.¹⁾

Лисій, а иногда писавшійся Лисичій или Лисицкій, Рождественскій Богородицкій монастырь, куда были сосланы эти два архіепископа, находился въ 7-ми верстахъ отъ Новгорода и въ 3-хъ отъ Хутынскаго монастыря, на правомъ берегу Волхова. Онъ былъ основанъ въ 1391 г.; въ XVII вѣкѣ приписанъ къ Иверскому, упраздненъ въ 1764 г. Еще въ началѣ XIX в. была цѣла каменная монастырская соборная церковь Рождества Пресв. Богородицы, но она сломана; другая монастырская церковь была разобрана ранѣе, еще въ 1781 г. для новостроящейся ограды Антоніева Новгородскаго монастыря. О существованіи Лисицкой обители теперь напоминаютъ только курганъ, да нѣсколько разбитыхъ плитъ со стертыми отъ времени именами покойныхъ настоятелей. Изъ исторіи извѣстно, что одинъ изъ священно-иноковъ этого монастыря—св. Евфимій въ 1429 г. былъ избранъ Новгородскимъ владыкою²⁾. Довольно значительныя библиографическія данныя (хотя и неполныя) о Лисьемъ монастырѣ приведены В. В. Звѣринскимъ во II-й части его „Матеріаловъ о православныхъ монастыряхъ“ (стр. 197). Настоятели монастыря второй половины XVII в. по списку Строева тоже переименованы, но не все; извѣстны только: Трифонъ 1648 г., Досиѣй 1653 г., Антоній 1658 г., Гермогенъ 1667 г., Іосифъ 1676 г., Евфимій 1677 г., Тарасій 1678 г., Христофоръ 1682 г., Германъ 1687 г., Ирнархъ 1689 г., Іаковъ 1700 г.; послѣднимъ въ 1763 г. былъ Германъ, при которомъ монастырь и упраздненъ.

Сколько времени проживалъ Стефанъ въ Лисьемъ монастырѣ, свѣдѣній у насъ нѣтъ; не извѣстенъ и годъ его кончины. Изъ Лисья монастыря онъ былъ переведенъ въ Іосифовъ Волоколамскій, гдѣ, очевидно, и погребенъ.

Андрей Титовъ.

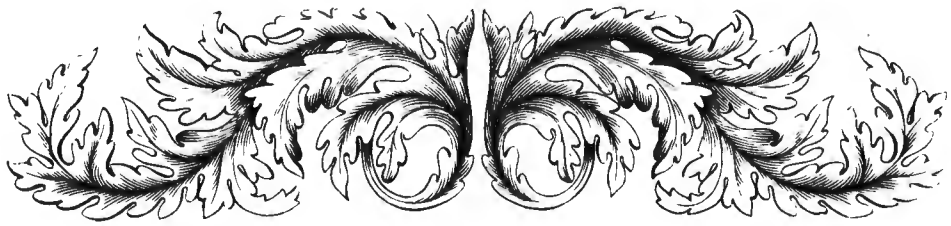
Ростовъ Великій.

1910 г. 29 Января.

¹⁾ Акты историч., т. V, стр. 481, столбецъ Патріаршаго разряда 21.

²⁾ Мощи св. Евфимія, скончавшагося 11 Марта 1458 г., покоятся подъ спудомъ въ Вяжицкомъ Николаевскомъ монастырѣ Новгород. губ.

БРАКОРАЗВОДНОЕ ДѢЛО КНЯЗЯ Г. Г. ОРЛОВА.

Въ числѣ бумагъ, хранящихся въ архивѣ Св. Синода*), имѣется: „Дѣло № 196. 1780 г. 4 Февраля о разводѣ брака Григорія Григорьевича Орлова съ женою княгинею Екатериною Орловой, рожденной Зиновьевой, по собственноручному рескрипту императрицы Екатерины II на имя С.-Петербургскаго митрополита Гавріила. Рескриптъ писанъ своеоручно Безбородкомъ“.

Въ книгѣ А. П. Барсукова: „Разказы изъ Русской исторіи XVIII вѣка“, въ статьѣ: „Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ“, стр. 177, сказано: „Неизвѣстно, когда начался ихъ романъ (т. е. Орлова и Зиновьевой); но въ Іюнѣ 1776 г. они уже обвинчались, вопреки закона и обычая, строго воспреещающихъ браки на двоюродныхъ сестрахъ. По поводу это неслыханнаго въ тѣ времена случая, въ Совѣтѣ Императрицы возникло цѣлое дѣло о незаконномъ бракѣ Орлова. Члены Совѣта подали мнѣніе о необходимости развести Орлова съ женою и заключить обоихъ въ монастырь. Графъ К. Г. Разумовскій, возмущенный этой безпощадностью къ человѣку, утратившему первенствующее значеніе при дворѣ, напомнилъ своимъ товарищамъ о правилѣ, соблюдаемомъ въ кулачныхъ бояхъ: „лежачаго не бьютъ“. Благородный отзывъ Малороссіянина не былъ, однако, уваженъ. Приговоръ состоялся именно въ той самой формѣ, въ которой было высказано мнѣніе членовъ Совѣта; но Екатерина не только не утвердила этого рѣшенія, прямо объявивъ, что ея рука отказывается подписать подобную бумагу противъ человѣка, которому она столь много обязана, но даже назначила молодую княгиню Орлову статсъ-дамою и прислала ей орденъ Св. Екатерины. Кромѣ того, она осыпала ее драгоценными подарками. Орлову было тогда уже 43 года, а его супругѣ 19. Не смотря на эту разницу лѣтъ, они были чрезвычайно счастливы“.

*) Дѣло это, хотя и значится въ описи секретнымъ, но уже распечатано.

Синодское дѣло за № 196 заключается въ слѣдующемъ.

Императрица Екатерина II собственноручно писала Гавріилу, тогда еще архіепископу Новгородскому:

„Мое желаніе есть, чтобъ ваше преосвященство Консistoriи своей чинили прещеніе далѣе поступать во мнимомъ дѣлѣ князя Орлова. Столь знаменитыя его предо мною и государствомъ заслуги влекутъ за собою не безпокойство, не слѣдствіе тутъ, гдѣ пятнадцать лѣтъ тому назадъ еще мною предвидѣно было, что потребны объяснительныя постановленія для брачныхъ обязательствъ, кои отъ меня Синоду въ 1762 г. приказано было сочинить, но и по сіе время осталось то безъ исполненія“. Получено 29 Августа 1777 года.

„Преосвященный Гавріиль, архіепископъ Новгородскій и Санктъ-Петербургскій. Изъ уваженія къ заслугамъ генерала-фельдцейхмейстера князя Орлова предо мною и отечествомъ, я желаю, чтобъ ваше преосвященство дѣло, въ Консistoriи вашей имѣющееся, о бракѣ его съ княгинею Екатериною Орловою, урожденною Зиновьевою, съ повелѣніемъ моимъ къ вамъ, Августа въ 29-й день 1777-го года писаннымъ, объ оставленіи дальнѣйшихъ по дѣлу сему изысканій, внесли въ Синодъ для свѣдѣнія его, дабы имъ и потомству ихъ по оному браку никакое затрудненіе, безпокойство и взысканіе учинено быть не могло. Пребываю впрочемъ вамъ доброжелательная Екатерина“.

Въ Санктъ-Петербургѣ.

Февраля 4 дня 1780 г.

Архіепископъ Гавріиль 5-го Февраля 1780 г. донесъ Св. Синоду, что въ Консistoriи имъ дѣло остановлено, по полученіи перваго высочайшаго повелѣнія отъ 29-го Августа 1777 г., и по вторичному высочайшему повелѣнію онъ вноситъ дѣло въ Синодъ для свѣдѣнія.

Опись бумагъ того дѣла:

Опредѣленіе о сыскѣ вѣнчавшаго сей бракъ Суйдовской мызы попа Сергѣя Романова къ слѣдствію.

Обыскъ, взятый о семъ бракѣ.

Запросъ Консistoriи къ бывшему при вѣнчаніи камергеру Александру Николаевичу Зиновьеву.

Отвѣтъ камергера Зиновьева.

Обыскъ.

1777 года Іюня 5 числа Ингерманландіи Копорскаго уѣзда церкви Воскресенія Христова священникъ съ причетникомъ объявили:

Его свѣтлость Григорій Григорьевичъ поймаетъ себѣ въ супружество умершаго ген.-майора Николая Ив. Зиновьева дочь его, дѣвицу

Ульянію, оба первымъ бракомъ, благочестивыя вѣры Греческія и Велико-російскаго исповѣданія, раскола и противности св. церкви не имѣютъ, волею своею сочетаются, добрымъ своимъ произвожденіемъ, а не съ принужденія чьего.

Подписаль камергеръ А. П. Зиновьевъ.

Запросъ изъ С.-Петербургской Консисторіи камергеру Зиновьеву:

Въ брачномъ обыскѣ упущено: „не имѣется ли между женихомъ и невѣстою родства или свойства и другаго какого правильнаго къ бракосочетанія препятствія. Вѣнчавшій бракъ попъ въ допросѣ сказалъ, что когда онъ подалъ обыскъ для подписанія вашему превосходительству, яко поручителю, вы, вычерня въ томъ обыскѣ написанныя о неимѣніи родства рѣчи, сказали: этого не надо. А по указу 1724 г. 5 Января поручители должны показывать о родствѣ брачущихся подъ присягою. Консисторія проситъ ваше превосходительство, яко бывшаго по его свѣтлости и невѣстѣ его поручителя, сообщить письменно, не имѣется ли между ними духовнаго или плотскаго родства или свойства или другаго препятствія, и утвердить то присягою предъ архимандритомъ Зеленецкаго мон. Іоанникіемъ, который къ вамъ для того общесъ секретаремъ консисторскимъ и отправился. 4 Августа 1777 г.“

Отвѣтъ камергера Зиновьева по дѣлу о бракѣ его свѣтлости господина генерала-фельдцейхмейстера, Ея Императорскаго Величества генерала-адъютанта, кавалергардскаго корпуса шефа, лейбъ-гвардіи Коннаго полка подполковника и разныхъ орденовъ кавалера, князя Григорія Григорьевича Орлова Ея Императорскаго Величества съ фрейлиною *Ульянію*, сестрою моею родною. При показанномъ бракѣ хотя я и находился, но не такъ чтобъ вмѣсто покойныхъ родителей, но по единому братству, какъ и прочія знатныя персоны при томъ имѣлись, и свидѣтельствую, что оный бракъ при многонародномъ собраніи въ церкви Божіей учиненъ священникомъ по церковному чиноположенію по ихъ на то согласію безъ малѣйшаго отъ кого-либо принужденія. О томъ обыскѣ я ни почему прежде вѣнчанія не зналъ, но послѣ брака спустя 4 дня оный попъ, принеши обыскъ ко мнѣ въ Гатчину мызу, просилъ, что по учрежденію ихъ хотя бѣ я одинъ то подписаль для его впредъ оправданія, чтѣ я и учинилъ, въ чемъ и нынѣ свидѣтельствую, что все то написанное и мною подписанное есть сущая истина. Указъ 5 Января 1724 г. разумѣтъ невольныя бракосочетанія, до меня не касается, и я не вижу никакой для себя обязанности къ учиненію присяги.

Какъ видно, Императрица повелѣла брачное дѣло взнести въ Синодъ только для свѣдѣнія, слѣдовательно и рѣшенія по нему быть не могло, тѣмъ болѣе, что все изысканія по дѣлу велѣно прекратить.

Интересно однако, что въ рескриптѣ невеста пазывается Екатериною*), а въ документахъ Ульявнѣю. Очевидно, что дѣло о расторженіи брака только начиналось, но высочайшею волею прекращено, и бракъ не расторгнутъ. Въ этомъ дѣлѣ, кромѣ выше приведеннаго мною извлеченія, которымъ исчерпывается все, нѣтъ болѣе ничего: не имѣется даже никакихъ свѣдѣній о разсужденіяхъ по этому дѣлу въ Совѣтѣ.

А. Титовъ.

Ростовъ Ярославскій.

1910 Января 24.

Въ своемъ „Чистосердечномъ признаніи“ Екатерина рассказываетъ (князю Потемкину), какъ она разошлась съ княземъ Орловымъ еще въ 1772 году по возвращеніи его въ Петербургъ съ Фокшанскаго конгресса. Тѣмъ не менѣе она построила для него великолѣпный Мраморный дворецъ, на которомъ красовалась надпись: „Зданіе благодарности“. П. Б.

*) У Долгорукаго, т. IV, стр. 438, и у Лобанова, ч. I, стр. 215, значится Екатерина Николаевна, род. 19 Декабря 1756 г., † 16 Юня 1781 г.; съ 1776 г. за княземъ Г. Г. Орловымъ. Еще до нашихъ дней сохранился обычай давать при крещеніи двойныя имена, а у Европейскихъ народовъ по нѣскольку именъ. П. Б.